

5. Зоркая, Н. Кинематограф в жизни Александра Блока / Н. Зоркая // Из истории кино: [Сборник]. – Вып. 9. – М.: Искусство, 1974. – С. 124-147.
6. Лотман, Ю.М. Блок и народная культура города / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1993. – Т. III. – С. 185-200.
7. Лотман, Ю.М. Индивидуальный творческий путь и типология культурных кодов / Ю.М. Лотман // Семьосфера. – СПб.: Искусство СПб, 2004. – С. 668-669.
8. Лотман, Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман // Об искусстве. – СПб.: Искусство СПб., 2005. – С. 288-372.
9. Лотман, Ю., Цивьян, Ю. Диалог с экраном / Ю. Лотман, Ю. Цивьян. – Таллинн: Александра, 1994. – 216 с.
10. Мартынова, И.А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности / И.А. Мартынова. – СПб.: САГА, 2002. – 240 с.
11. Мукаржовский, Я. К вопросу об эстетике кино / Я. Мукаржовский // Исследования по эстетике и истории искусства. – М.: Искусство, 1994. – С. 396-410.
12. Смирнов, И.П. Смысл как таковой / И.П. Смирнов. – СПб.: Акад. проект, 2001. – 346 с.
13. Фрейлих, С.И. Теория кино: От Эйзенштейна до Тарковского: учебник для вузов / С.И. Фрейлих. – 3-е изд. – М.: Академический проект: Альма Матер, 2005. – 512 с.
14. Ханзен-Лёве, Оге А. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения / Оге А. Ханзен-Лёве; пер. с нем. С.А. Ромашко. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 672 с.
15. Чуковский, К. Наг Пинкертон и современная литература / К. Чуковский // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1969. – Т. 6. – С. 117-149.

В.В. Трифонова

ШТРИХИ К РЕЧЕВОМУ ПОРТРЕТУ СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ **(на основе анализа личной переписки)**

Самарский государственный университет

Личная переписка семьи Ульяновых – письма, записки, телеграммы, открытки – является ценным историческим источником, позволяющим судить не только о взаимоотношениях в этой семье, эволюции взглядов авторов и общем социально-политическом фоне того времени. Эта переписка интересна и с точки зрения лингвистической, филологической: русский язык за последнее столетие претерпел серьезные изменения. О его трансформации как раз и можно судить, проанализировав личную переписку семьи Ульяновых. Так, один из важнейших опубликованных источников – т. 55 Полного собрания сочинений Владимира Ильича Ленина “Письма

к родным” – содержит письма за 1893-1922 годы [1]. Значение личной переписки для создания биографии человека и выявления черт его характера, личности трудно переоценить: она дает представление о его отношении к людям, показывает его в повседневной жизни, помогает ярче и четче осветить те стороны его характера, которые не нашли отражения в научной, общественной либо политической деятельности. Переписку конца XIX – начала XX вв. тем более можно считать важным и довольно полным источником, если учесть, что в то время письма были зачастую почти единственным средством коммуникации. Для разбросанной по всей Российской империи и Европе семьи Ульяновых – семьи единомышленников, друзей, близких – это была возможность поделиться своими мыслями друг с другом, рассказать о событиях обыденных и эпохальных, решить профессиональные вопросы. Например, в статье А.И. Ульяновой-Елизаровой “По поводу писем Владимира Ильича к родным” читаем: “Наиболее содержательна и интенсивна была переписка в 1897-1899 и в 1908-1909 годах – годах издания двух больших книг Владимира Ильича: “Развитие капитализма в России” и “Материализм и эмпириокритицизм”, – ибо была связана с деловыми поручениями по поводу этих изданий, их корректированием и т.п. Письма первого из двух периодов, кроме того, содержательнее и чаще и по той причине, что они принадлежат к годам ссылки, которая своим невольным одиночеством и оторванностью от жизни располагает к переписке и наиболее замкнутых людей. По письмам Владимира Ильича того периода, особенно по наиболее обстоятельным, адресованным матери, можно судить наилучшим образом об условиях его жизни, его склонностях и привычках, – в них он вырисовывается, если можно так сказать, наиболее рельефно, как личность” [2].

Для нас немаловажным является и тот факт, что переписка эта ведется между людьми близкими – мать, сестры, брат, зять, – с которыми человек бывает откровенен, открыт и потому общается с ними непринужденно, тем самым языком, каким говорит в повседневной жизни. При изучении переписки семьи Ульяновых обращает на себя внимание, прежде всего, теплота и искренность отношений: ласковые семейные имена “Анюта”, “Маняша” и, конечно, чаще всего “дорогая мамочка” – именно так В.И. Ленин обращается к сестрам и матери. В письмах к матери упоминаются все мелочи, которые могут быть интересны Марии Александровне – начиная от бытовых и хозяйственных подробностей и заканчивая обстоятельным описанием природы. “На днях получил твое письмо, дорогая мамочка, а сегодня к тому же письмо от Марка¹, которому пишу небольшую приписку” [1: 30, 34]. Такие приписки, дополнения и поручения другим членам семьи в письмах к матери – довольно характерная черта многих писем Владимира Ильича. Письмо, обращенное к одному из членов семьи, часто бывало

¹ Марк Тимофеевич Елизаров – муж Аллы Ильиничны Ульяновой, сестры В.И. Ленина (прим. автора).

общим, читалось всеми и даже пересылалось тем, кто находился в других городах. Иногда бывали такие пояснения: “Следующая половина этого листка для Маняши, от которой получил письмо от 18/30.VIII со штемпелем Lausanne (Лозанна)”. [1: 51]

Письма В. И. Ленина написаны классическим русским языком, практически не содержат жаргонизмов, что было бы неудивительно, например, в письмах из ссылки, образны, эмоциональны. Так, для усиления впечатления часто употребляется слово “очень”, причем сегодня редко используемое в таком контексте: “Я очень чувствую, что затея эта не так-то легко осуществима и что план мой может оказаться химерой” [1: 16] или “Я очень боюсь, что причиняю тебе слишком много хлопот” [1: 21]. Иногда в письмах встречаются не только иностранные слова в оригинальном написании, но и распространенные в то время в повседневной речи заимствования: “Очень благодарю Маняшу за ее письмо и за экстракты из полученных писем” [1: 27]. Здесь имеются в виду собранные Марией Ильичичной выдержки из писем родных, друзей, товарищей, которые по разным причинам не могли быть получены В.И. Лениным, и были переданы ему в сжатом и кратком изложении.

Многие слова, которые использовались в письмах и речи того времени, сегодня не потеряли своего значения, но стали звучать по-другому: “Я нашел, что Надежда Константиновна высмотрит неудовлетворительно – придется ей здесь заняться получше своим здоровьем” [1: 88], “Глеб с Базилем высмотрят, говорят, очень плохо: бледны, желты, утомлены страшно. Авось повыправятся, когда выйдут” [1: 30]. Или: “Напишите, как вы решится это дело” [1: 45, 65, 100].

Письма периода работы над книгами “Развитие капитализма в России” и “Материализм и эмпириокритицизм” деловиты и обращены, в основном, к А.И. и М.Т. Елизаровым, которые взяли на себя хлопоты по их изданию. Они содержат и реестры опечаток, и поправки к уже отосланным главам, и списки книг, необходимых для будущей работы. Для нас, однако, представляет интерес следующая языковая трансформация: свои черновые наброски В.И. Ленин называет “черняк” (ср. с современным “черновиком”), а окончательный вариант – чистовик, как сказали бы сегодня, подготовленный к печати – “беловиком” [1: 116]. В настоящее время эти слова вышли из употребления, а тогда были употребительны и общеприняты.

В данном томе Полного собрания сочинений содержатся и письма Надежды Константиновны Крупской. [1: 387-456] Они являются ценным дополнением к переписке семьи Ульяновых. Наибольшее их количество относится к периоду ссылки и эмиграции, иллюстрируют письма В.И. Ленина и подробнее освещают условия их жизни, события в семье, жизненный уклад. Это типично женские письма – с хозяйственными подробностями, описанием всяких мелочей, передачей известий об общих знакомых: “...настаиваем наливку на малине, солим огурцы – все как следует быть, как в России. Покупали как-то арбузы, но, как и следовало ожидать,

это учреждение оказалось совершенно белым, без всякого покусения на красный цвет. Ели как-то кедровые шишки” [1: 393], “Тут все увлекаются хозяйством, даже и мы было завели пол-лошади, ...но наши пол-лошади оказались таким извезженным конем, который 3 версты везет 1 1/2 часа, пришлось отдать его обратно, и это наше хозяйственное предприятие потерпело фиаско” [1: 394]. Язык Надежды Константиновны представляется более близким к современному. Например, в отличие от В.И. Ленина, Крупская употребляет имеющее и сегодня распространение слово “выглядеть” в современном понимании, а любимое Лениным слово “высмотреть” – также в актуальном контексте: “Добрались мы до Шушенского, и я исполняю свое обещание – написать, как выглядит Володя... Увлекается он страшно охотой, да и все тут вообще завзятые охотники, так что скоро и я, надо думать, буду высматривать всяких уток, чирков и т.п. зверей” [1: 390]. Эпистолярный стиль Н.К. Крупской отличает прекрасное чувство юмора, легкая ирония и самоирония: “В нашей мирной жизни это произвело целую сумятицу, и мы к концу несколько очумели”, “...с утра пришли Оскар и Проминский и стали соблазнять Володю ехать на охоту на какой-то Агапитов остров, где, по их словам, зайцев тьма-тьмуца и табуны тетерок и куропадок так и летают”, “Немецкие уроки беру изредка – смотря по настроению, иногда болтаю ничего себе, а иногда такие лапти плету” [1: 394, 398, 429]. Письма Надежды Константиновны родным длинные, подробные и очень теплые: “Володя всегда удивляется, где это у меня материал берется для длинных писем, но он в своих письмах пишет только о вещах, имеющих общечеловеческий интерес, а я пишу о всякой пустяковине...” [1: 402]. Ее письма читаются легко, написаны легким хорошим языком, интересны с исторической и психологической точек зрения. А с точки зрения филологической удивительно не устарели. Можно предположить, что причина этому – “вечные” женские вопросы, обсуждаемые с родными и близкими, которые не претерпели изменений и сегодня, цены на продукты, описание досуга и домашней работы, взаимоотношения в семье: “Вот о каком вздоре я пишу, но внешних-то событий никаких. Раз мы с Володей дошли до того, что долго не могли сообразить, был ли у нас в гостях В.В. третьего дня или десять дней тому назад. Понадобился целый ряд соображений, чтобы выяснить этот вопрос. Еле-еле сообразили. Из Минусы Володя собирался писать домой, так что в моем письме, надо думать, отчасти будут повторения. Впрочем, нет, мое письмо чисто женское, так вообще” [1: 397].

Переписка семьи Ульяновых неоднократно издавалась не только в полном собрании сочинений В.И. Ленина¹, отдельные фрагменты цитировались в мемуарной литературе [3]. Однако 55-й том, использованный при написании статьи, наиболее полно, структурированно и хронологически последовательно дает представление о развитии не только отношений

¹ Ленин – Крупская – Ульяновы. Переписка (1883-1900). – М., 1981.

в семье Ульяновых, изменениях в социально-экономическом и политическом положении дел в России и Европе того времени. Языковая трансформация, которую можно проследить по письмам, помогает лучше понять и оценить те революционные изменения, которые произошли за это время в обществе, стране и семье – по большому счету, абсолютно типичной для того времени. Эпистолярный жанр – личная переписка, которая легла в основу исследования и, как мы отмечали выше, была практически единственным средством общения между членами большой семьи Ульяновых, нашел в приводимых письмах наибольшее отражение, достиг своего расцвета и послужил важным источником как исторических, так и филологических изысканий.

Библиографический список

1. Ленин, В.И. Письма к родным. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М., 1970. – Т. 55
2. Ульянова-Елизарова, А.И. По поводу писем Владимира Ильича к родным / А.И. Ульянова-Елизарова // Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1970. – Т. 55. С. XXXVII.
3. Лозгачев-Елизаров. Г. Я. Незабываемое / Г.Я. Лозгачев-Елизаров. – Л., 1971.

Н.А. Родионова

ИДИОСТИЛЬ И КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Самарский государственный университет

Проблема идиостиля является одной из ключевых в стилистике художественного текста. Коммуникативная стилистика, как известно, связана с попыткой осмыслить природу художественного творчества, представляя текст не как результат деятельности автора, а как процесс художественного освоения действительности. При таком подходе перед исследователем открываются новые возможности в постижении мировидения автора, механизмов создания вторичного пространства, которое возникает только в художественном тексте, но (и это принципиально новое в данном подходе) коммуникативную стилистику интересует не только деятельность творца, но и деятельность адресата.

Поскольку диалог автора и читателя происходит на ассоциативной основе, для смыслоформирования исключительно важны ассоциативные связи ключевых слов как в узусе, так и в тексте. Первое отражено в asso-